

В Александр Зацепин

Юрий Rogozin

«...Миг между
прошлым
и будущим»

«Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич
меняет профессию», «Земля Санникова», «12 стульев»...

Жизнь, фильмы и песни в автобиографической книге
прославленного композитора

Зацепин Александр. Книги легендарного композитора

Юрий Рогозин

**«...Миг между
прошлым и будущим»**

«ЭКСМО»

2017

УДК 78.071.1 Зацепин А.
ББК 85.313(2)6-8 Зацепин Ал

Рогозин Ю. П.

«...Миг между прошлым и будущим» / Ю. П. Рогозин —
«Эксмо», 2017 — (Зацепин Александр. Книги легендарного
композитора)

ISBN 978-5-699-96737-7

Композитор Александр Сергеевич Зацепин, автор музыки к популярнейшим кинофильмам и песням, человек необыкновенно разносторонний, интересный и очень позитивный. Его увлекательные, с юмором рассказанные истории о жизни, звездах кино и эстрады, отечественных и зарубежных режиссерах и актерах — от Леонида Гайдая, Юрия Никулина и Аллы Пугачевой до Клаудии Кардинале и Шона Коннери — никого не оставят равнодушным. Это истории о создании известных песен, о работе над музыкой к всенародно любимым фильмам, о непростых отношениях людей на сцене и за ее кулисами.

УДК 78.071.1 Зацепин А.
ББК 85.313(2)6-8 Зацепин Ал

ISBN 978-5-699-96737-7

© Рогозин Ю. П., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

«...Нежно целую. Моцуоки»	6
«Дело не в погоде!»	10
Грациано и Кэш	14
В загс – с бывшей монахиней	16
У гоголя в гостях	18
Разведенный и безработный	23
Чарующий кофейный аромат	24
Аккордеонист и ночные бабочки	26
А «Жигули» подарил немцам	29
И снова здравствуй, Гайдай!	32
А «Облико морале» подкачало!.	34
«Любви все возрасты покорны...»	37
Париж, Париж!.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Зацепин

«...Миг между прошлым и будущим»

В оформлении книги использованы фотографии из личного архива автора, а также Ю. Рогозина и Рудольфа Кучерова / РИА Новости

© Зацепин А... 2017

© Рогозин Ю., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

«...Нежно целую. Моцуоки»

Даже в лучшие его годы пресса очень мало писала о нем. Его лицо крайне редко появлялось в газетах, он не ходил на киношно-эстрадные тусовки, не ездил на гастроли, не выступал по телевидению: жалко было тратить время зря. Вместо всего этого он с удовольствием сочинял музыку, и к тому же он примерный семьянин.

Один из лучших шахматистов мира Анатолий Карпов как-то заметил: «Шахматы – моя жизнь, но жизнь – это не только шахматы!» Перефразируя чемпиона, о Зацепине, наверно, можно сказать так: музыка – его жизнь, а жизнь – это только музыка!.. И ничего не поделаешь.

Именно поэтому он многое успевает. Написал свыше четырехсот песен, музыку к доброй сотне кинофильмов, двум балетам, спектаклям, мюзиклам.

Удивительно, но с таким огромным творческим багажом и известностью Зацепин никогда не был обласкан властями. «Заслуженного деятеля искусств» ему присвоили только в конце 90-х. А когда в 2001 году Союз композиторов выдвинул его на «народного артиста», чиновники сказали: «Еще не прошло положенных между званиями пяти лет!» Однако через какое-то время все же дали.

Хотя за званиями и наградами он никогда не гнался. Народ его и так любит.

Зацепин – композитор уникальный. Есть композиторы, пишущие только симфоническую музыку. Есть – пишущие только для кино. Или только для эстрады. Зацепин же умеет все.

За последние тридцать пять лет, что мы с ним дружим, он совсем не изменился. Так же энергичен, полон сил и вдохновения. Так же делает каждый день зарядку. Так же много работает. Так же весел и готов к розыгрышу, с шуткой не расстается ни на секунду. Поздравляю его с Новым годом, говорю:

– Пусть желание работать не покидает вас никогда!

А он:

– Ты понимаешь, это у меня уже имеется! Наверно, давно какая-то инфекция попала, и никакой антибиотик ее не берет!..

– Ну, а будет желание работать, значит, будет и хороший тонус!

– Тон-то у меня есть, – без паузы отвечает маэстро, – а вот уса нет!.. Я их сбрываю!..

Интересуюсь здоровьем.

– Да вот аллергия какая-то напала на глаза. Правый еще ничего, а левый не очень.

– Может, вы левым кому-то глазки строили?..

– Да нет. Глазки я двумя строю!..

Дома в Москве, декабрь 2016 года

...Я познакомился с Александром Сергеевичем в начале восьмидесятого года прошлого века. Так получилось, что друг нашей семьи Вадим Авенирович Миловидов, заместитель министра строительства, как-то обмолвился, что рос вместе с Зацепиным. Для меня, тогда молодого новосибирского журналиста и старшекурсника железнодорожного института (из которого когда-то отчислили Александра Сергеевича), этот факт был большой удачей. Для областной газеты я готовил интервью со всеми заезжими звездами кино и эстрады, а тут, оказалось, есть неформальный выход на самого Зацепина, который в те годы находился в зените славы! Можно написать очерк о нем. Кроме того, в душе таилась надежда предложить композитору собственные стихи...

И вот он, старый добрый дом на Арбате. Звоню в заветную дверь. Слышу заливистый лай собаки. Открывает очень приятная, скромная и обаятельная женщина – Светлана Сергеевна, жена композитора. Следом появляется сам маэстро. Вельветовый пиджак (тогда вельвет был моден и дефицитен), темные волосы, короткая стрижка, веселые серо-зеленые глаза, крепкое рукопожатие. Рядом – повизгивающий черный пудель Тимка.

Огромная гостиная. Рояль. Несколько диванов и кресел, стены обиты тканью поверх звукоизоляционного материала.

Сажусь в какое-то невероятно мягкое кресло, которое меня тут же поглощает. Достāju диктофон, и после короткого рассказа о Новосибирске мы начинаем работать.

Вскоре появляется Светлана Сергеевна, приносит чай и пирожные.

В этой гостиной-студии собирались музыканты и певцы, репетировали и записывали новые произведения Александра Сергеевича. В смежной маленькой комнатке – магнитофоны, микшеры, пульта. Часть этой сложной аппаратуры композитор сделал собственноручно.

После второй рабочей встречи насмеливаюсь предложить стихи. Но выясняется, что он не пишет музыку на стихи, на готовую мелодию поэт сочиняет слова. Однако в силу деликатности стихи он все же берет, обещает посмотреть.

Посылаю готовый очерк Зацепину. Приходит приятный ответ: «Если честно, не ожидал, что получится так здорово!»

Передвигая из номера в номер, очерк два года мурыжили в толстом литературном журнале «Сибирские огни». Мое терпение лопнуло, я отправил его в Москву, в самый популярный тогда молодежный журнал «Смена». И там его напечатали! А на календаре уже был май восемьдесят третьего.

Звоню Зацепину, чтобы занести журнал.

– А папа уехал во Францию, – говорит его дочь Лена.

– Когда вернется? – спрашиваю.

– А он насовсем... Он, конечно, будет приезжать, но когда, не знаю...

И тут мне звонят из «Смены»:

– Караул! Что же ты не сказал, что Зацепин уехал из страны?..

– Так я и сам ничего не знал, – отвечаю.

– Нас вызывают на ковер в ЦК комсомола: как мы можем писать о человеке, который уехал из СССР?!

– Давите на то, что он сохранил гражданство и будет приезжать, – советую я.

И это было чистой правдой.

К тому времени я уже переехал в Москву. Почти с такими же приключениями, как когда-то Зацепин. После публикации очерка мне предложили работу в «Смене», о чем я мог только мечтать, и тут вдруг – такой скандал!..

Но то ли в ЦК комсомола все очень любили музыку Зацепина, то ли просто звезды встали, как надо, – проблема тихо рассосалась сама собой, и в престижный журнал меня все-таки взяли...

Так знакомство с любимым композитором вначале проложило, а потом чуть не закрыло мне дорогу в большую журналистику.

Моей мечте – написать песни с Зацепиным – суждено было сбыться двадцать лет спустя. Его постоянный соавтор и друг, прекраснейший поэт Леонид Дербенев к тому времени покинул наш бранный мир. И однажды, весной 2001 года, Александр Сергеевич сказал мне:

– А может, ты попробуешь написать стихи к моим новым мелодиям?

Опыт у меня уже был, с десятков песен на мои стихи исполняли «Самоцветы», Николай Мозговой и Борис Лобанов.

Готовых мелодий у Зацепина оказался вагон и большая тележка. К тому же количество их постоянно прибавлялось.

Самое трудное в написании стихов на готовую мелодию – найти тему, сюжет. Но эта проблема решаемая. Особенно когда в твоём распоряжении прекрасные мелодии, рождающие массу ассоциаций.

В итоге на юбилейных вечерах Зацепина в январе 2002 года в киноконцертном зале «Россия» наряду с его золотыми шлягерами прозвучали и одиннадцать наших новых песен. Их пели Анне Вески, Виктор Салтыков, Ксения Георгиади, Анастасия, Дмитрий Ряхин, Теймураз Боджгуа, Владимир Ступин, Ирина Бережная, группы «Балаган лимимтед», «Шиншиллы», ансамбль «Бабье лето».

В нашем совместном творческом багаже более двух десятков песен.

Зацепин – человек необыкновенно веселый. Такое ощущение, что если он в данный момент не сидит у рояля, то занят тем, что выдумывает, как бы кого-нибудь разыграть. Вот, например, какую телеграмму получил от него из Крыма в семидесятых годах прошлого века его друг, замечательный композитор Александр Флярковский:

«Вашу дачу отремонтировали почти всю. Девятая комната подгнила. Всех ваших сви-ней держим в сарае. Скотомет не в порядке. Пришлось кабана зарезать. Сообщите, выслать ли вам его голову. Варвара Петровна держит ее в холоде. Нежно целую. Моцуоки».

Телеграмму долго не принимали на почте: в адресе получателя значился Союз компо-зиторов...

Но была еще и другая телепрограмма...

«Вы просили свести вам похабную татуировку на груди. Сообщите, какой давности она. Высылаем вам настенный аппарат для снятия вашей пошлой татуировки на 220 вольт. Правила пользования прилагаются. С приветом П. Аедоницкий».

Известный композитор Павел Аедоницкий, другой приятель Зацепина, естественно, тут был ни при чем. Когда же Флярковский демонстрировал настойчивым желающим, что никакой нагрудной татуировки у него нет, ему недоверчиво говорили:

– А-а, ты ее уже свел!..

Лифт останавливается на его этаже, я выхожу – открывается дверь, и непонятно откуда в меня летит бумажный самолетик! Перевожу взгляд, вижу в дверях квартиры улыбающе-гося Александра Сергеевича...

Лезу во внутренний карман куртки и неожиданно натываюсь на незнакомый пред-мет. Батюшки-светы, пробка от шампанского! Готовый компромат! Мучительно соображаю: откуда она там взялась?.. Постепенно доходит: ага, проделки неутомимого маэстро!..

Сидим у меня дома за семейным столом, завтракаем. Моя жена Жанна приготовила сырники. Жуем. Вдруг Александр Сергеевич молча, с каменным лицом поднимается со стула.

– Что случилось, маэстро?..

– Сырники настолько вкусные, – спокойно поясняет Зацепин, – что память о них нужно отметить вставанием!..

– Юра, давай встретимся сегодня в шестнадцать девяносто? – предлагает по телефону композитор.

Быстро считаю в уме, какое должно получиться время, и невозмутимо переспрашиваю:

– Короче, в половине шестого?

– А-а!.. Понял!.. А то некоторые сразу никак не могут сообразить...

Вот такой он, композитор Зацепин. А теперь – слово ему самому.

«Дело не в погоде!»

В мою музыкальную кухню нередко протискивались не всегда компетентные люди. В советские времена в работу вмешивались и Союз композиторов, и Союз писателей, и комсомол, и партия... Смотрели – какая музыка, аранжировка, какие стихи, как поют, кто поет. Допустим, приношу я на радио новую песню, записанную Пугачевой (когда начинал работать с ней, она еще не была известной), а там говорят:

– Хорошо... Но нельзя ли перепеть припев? Почему она именно так поет? Можно это сделать как-то помягче?..

– Нельзя, – отвечаю, – мягче! Здесь надо именно так спеть. Вот смотрите...

И начинаю объяснять. Иногда удавалось убедить, иногда – нет. Тогда приходилось что-то перепевать. Не та, видите ли, манера, не так спел... Редакторы боялись своих вышестоящих начальников. Вдруг те им скажут:

– Как это вы пропустили?.. А подать сюда Тяпкина-Ляпкина!..

Твист, к примеру, очень ругали. Танец такой был. Говорили:

– Это же преклонение перед Западом! Не допустим!

У дома, где жил Леонид Гайдай, 2013 год

Нельзя было оркестр называть джаз-оркестром. Он должен быть только эстрадным! В сборниках не печатали какие-то песни, ноты. Так, не издавали ноты танго Остапа Бендера из фильма «Двенадцать стульев». Наверно, у песни был сильный капиталистический привкус...

Выпускал я пластинку «Дело не в погоде». Художественный совет ее одобрил – и музыку, и текст. Потом литературный материал куда-то посылают, и он возвращается с ремаркой: «Дело не в погоде, а в чем же тогда?.. Название заменить!» Бдительные очи хирур-

гов от искусства узрели в названии скрытый тайный смысл. А может, и реальную угрозу существующему строю. Мало ли чего там эти композиторы и поэты насочиняют! Вечно у них в голове бардак – женщины, вино и революции!.. Ладно бы, только женщины и вино...

А тираж-то пластинки уже готов! Деньги затрачены, все отпечатано, песня с таким названием записана. И что прикажете делать? «Закрывать» пластинку и не выпускать?

Крамольное название сменили. Не поскупились изготовить новые конверты. Вымученная пластинка все-таки вышла. И песня «Дело не в погоде» осталась...

Или вот. Снимается фильм «31 июня». Съёмки идут на «Мосфильме» по заказу Центрального телевидения. И тут, словно парнокопытные из табакерки, вдруг появляются два человека. Смотрят еще не совсем готовый, но уже почти собранный фильм и делают более тридцати принципиальных замечаний! Например, по части балета:

– Убрать все места, где есть намек на голое тело!

Но что значит «голое тело»? Понятие весьма растяжимое. Голое до колена или до локтя? Это же балет! Балерины вообще почему-то взяли за правило танцевать с голыми до неприличия ногами.

По музыке было такое замечание: «Аранжировка – типичные зады капитализма. Всех солистов надо заменить». Коротко, но как емко!

Кто-то из нашей группы спросил:

– Может, вообще вместо Йоалы и Долиной поставить Лещенко и Толкунову?

– А что, – ответили, – можно и так.

В зале раздался смех. Но это был смех сквозь слезы.

Естественно, никто из нас не имел ничего против Лещенко и Толкуновой, замечательных солистов, но фильм был другого жанра и требовались совершенно другие исполнители!

Режиссера «31 июня» Леонида Квинихидзе после таких замечаний чуть кондратий не хватил. Хоть закрывай картину! Ведь приказано все вырезать, песни убрать, солистов поменять. «Гипс снимают, клиент уезжает!..» Хорошо, что директор «Мосфильма» Сизов был человеком творческим, писал книги и к искусству относился с нежностью. Он посмотрел материал и сказал Леониду Квинихидзе:

– Ничего не меняй, продолжайте так! Сделайте мне две копии.

Одну копию он отправил на телевидение (потому что снимали картину по заказу Центрального телевидения). А вторую хитрый Сизов пустил по государственным дачам.

По музыке было такое замечание: «Аранжировка – типичные зады капитализма. Всех солистов надо заменить». Коротко, но как емко!

На телевидении тянули с ответом до последнего момента. Прислушивались: а что там, наверху, говорят по поводу фильма?.. А там как раз отнеслись очень положительно. Мы с Квинихидзе ходили на ЦТ к главным начальникам. Одна телена начальница все меня допытывала:

– Александр Сергеевич, ну, почему у вас Яак Йоала в начале фильма поет одним голосом, а когда он по сюжету уже в двадцать первом веке, то другим? Голос у него меняется, становится каким-то хриплым...

– Так это уже другой человек! – объясняю. – Другой век, другая манера.

А в ответ слышу:

– Нет, так не пойдет!.. Пусть перепоеет!

– Нельзя!..

– Тогда мы эту песню вырежем!

И две песни из картины вырезали. Слава богу, хоть фильм остался. Потом его пустили в эфир в новогодний вечер. Но не в одиннадцать часов, а в восемь, когда все либо едут в гости, либо готовят праздничный стол и до телевизора еще не добрались...

А потом фильм положили на «полку» лет на восемь. Потому что исполнитель главной роли Саша Годунов из Большого театра после гастролей остался за границей. А это приравнивали к предательству.

Вот «Кавказская пленница» как-то проскочила! Там ничего страшного не было. У Гайдая, правда, вырезали совершенно замечательный кусок, где Этуш играл в кителе «под Сталина». Меня, как композитора, напрямую это не касалось, только косвенно. Но все равно было обидно за Леню, вырезали много смешных реплик.

В фильме «Иван Васильевич меняет профессию» к музыке тоже не придирались. Вырезали опять только гайдаевские режиссерские находки.

Удивляюсь, как в «Бриллиантовой руке» проморгали песню «Остров невезения»!.. Эта песня была такая яркая по тексту – про «людей-дикарей», поэтому, наверное, и в голову никому не пришло, что кто-то решился бы так открыто «наезжать» на Советский Союз.

Однако у цензоров было столько придирок к режиссеру, что «Бриллиантовая рука» оказалась под угрозой закрытия. Но Гайдай не был бы Гайдаем, если бы не сделал ход конем. В конце фильма после надписи «Конец» он поставил документальный кадр... атомного взрыва! Цензоры схватились за голову: мало того, что в фильме – «криминальные песни», так еще и атомный взрыв!.. Надо убрать две песни, антисоветчину в диалогах!

На моей творческой кухне закипал бульон недовольства. Он бурлил, бурлил да и вылился однажды через край...

Но режиссер упорно отказывался.

И тут одному Леониду небеса послали в помощь другого Леонида. Глава государства Леонид Ильич Брежнев попросил на воскресенье дать ему какую-нибудь новую комедию. Он был большим поклонником киноискусства, любил устраивать в выходной день маленькие домашние премьеры. Ему прислали «Бриллиантовую руку». Он хохотал на всю дачу, попросил прокрутить фильм еще раз, опять хохотал, а в понедельник позвонил в главк, поблагодарил и сказал: «Выпускайте скорее на экран, замечательная комедия!»

Пожелание генерального секретаря – закон. Через несколько дней киношное руководство предложило Гайдаю:

– Пусть все останется как есть, только убери этот проклятый взрыв!..

– Ладно, так и быть, – сказал Гайдай, – взрыв убери...

И спасенный фильм вышел на экраны! Не придумай Леня этот отвлекающий момент в виде взрыва, еще неизвестно, чем бы закончились игры с цензорами...

По-моему, до сих пор в нашей стране никому не удалось сделать столь яркую и любимую народом эксцентрическую комедию.

Да, Гайдай был не только великим режиссером, но и великим комбинатором!

Вот так вокруг нас постоянно летали длинные ножницы и скальпели, норовившие что-нибудь любовно оттяпать. И это не проходило бесследно. На моей творческой кухне закипал бульон недовольства. Он бурлил, бурлил да и вылился однажды через край...

Грациано и Кэш

В середине семидесятых годов на две недели я ездил с группой в США от Союза кинематографии. Это была моя вторая поездка в Америку. Со многими достопримечательностями я уже был знаком, в частности, на самый верх статуи Свободы слазить успел.

В группе был и композитор Микаэл Таривердиев. Были еще режиссеры, операторы, актеры, но из музыкантов – мы вдвоем. Перед отъездом в Доме кино нам обстоятельно внушали, что можно делать в кишасей опасностями не очень дружественной Америке, а чего нельзя. Меня же интересовали проблемы иного характера. Потихоньку я выводывал у Таривердиева самое главное.

– Ты куришь? – спрашиваю. – Храпишь?

Он отвечает весело:

– И курю, и храплю!

– Тогда я с тобой в одном номере жить не буду! – говорю.

Рядом сидел какой-то мужчина.

– А я вот, – говорит, – не курю и не храплю!

– Очень хорошо, – обрадовался я, – будем вместе жить!

Он оказался руководителем группы. А тогда все руководители групп являлись сотрудниками КГБ. Но мой сосед оказался человеком хорошим.

В США у меня был приятель Джон Грациано, с которым я познакомился в предыдущую поездку и который приезжал потом ко мне в Москву. Он преподаватель русского и итальянского языков. По происхождению итальянец.

У своего руководителя группы я попросил разрешения сходить с Грациано в ресторан. А наша делегация должна была в это время присутствовать на каком-то приеме. Руководитель группы сказал мне:

– Возьмите своего Джона с собой, минут пятнадцать побудьте на приеме, а потом можете идти.

Мы так и сделали.

И на этом приеме Джон разговорился с какой-то негритянской семейной парой интеллигентного вида. Негр оказался... кинопродюсером и захотел послушать что-нибудь из моей музыки. Вот так придешь в какое-нибудь заведение и обязательно наткнешься на продюсера! И фамилия у него оказалась подходящая – Кэш. Что означает: наличные деньги.

Он пригласил меня на студию в Голливуде. Этих студий там – пруд пруди.

Я взял песню «Небо мое» в исполнении Валерия Ободзинского и «Бубен шамана», которую пела Алла Пугачева. Там очень интересно записан ритм, замечательно играет саксофон, гитара, вообще очень хорошие музыканты. «Небо мое» он послушал. Вижу, ему стало скучно. Я поставил вторую песню. Он включил звук на всю громкость, потом кому-то позвонил. Пришла очаровательная молодая негритянка – музыкальный редактор. Они посоветовались, и мой приятель говорит мне:

– Ты знаешь, им очень понравилось, и музыка, и аранжировка, и музыканты! Они хотят заключить с тобой контракт. Для этого тебе надо прийти в понедельник.

А была пятница. В воскресенье же нам предстояло лететь к родным берегам. Кэш позвонил кому-то, а потом предложил нам встретиться в субботу и попросил, чтобы я взял с собой двух свидетелей.

И вот мы пришли заключать договор (он у меня хранится до сих пор. Я сделал копию, а то мне не верят). Подписали пять разных экземпляров – артистический контракт, права композитора и еще что-то, я в этом ничего не понимал и сейчас особо не понимаю. Со сто-

роны продюсера – два свидетеля, с моей – два. Потом продюсер дает мне один доллар – это такая символическая плата, у них так полагается, и спрашивает:

– На какой срок хотите иметь контракт – на три года или на восемь лет?

Я мучительно соображаю: на сколько лучше? Как бы не прогадать!.. И мы решаем: на три с половиной! Если все пойдет как надо, можно продлить.

Джон Грациано мне потом говорит:

– Такого контракта люди здесь всю жизнь ждут. Это счастливый случай! Ты обязательно должен остаться в Америке!..

Но как я могу остаться? В Союзе у меня жена, ребенок...

Добрый мистер Наличные Деньги согласился, чтобы я работал в Москве со своими музыкантами и все записывал в своей студии. У меня тогда была хорошая большая студия дома. Мы договорились, что мне будут присылать видеокассеты с фильмами, для которых надо сочинить музыку. Мне дали два ролика специальной пленки. Решили, что американцы будут приезжать слушать эскизы и после записи увозить с собой готовые фонограммы. Песни, которые я привез в США, продюсер уже включил в свой очередной альбом.

По контракту мы должны были выпускать два фильма и две пластинки в год. Работа интересная, да и гонорары – с нашими не сравнишь.

Итак, мы подписали контракт, который в Америке ждут всю жизнь. Мысль плюнуть на все и остаться в США в тот момент не возникала. Я получил хорошую работу, могу записывать со своими музыкантами, чего еще желать? Ну, если пригласят на запись фильма, с удовольствием съезжу (если пустят), а оставаться не собирался.

Возвращаясь в Советский Союз, иду в ВААП (Агентство по защите авторских прав) и рассказываю про контракт. А меня уже предупредили, что я нарушил правила. Надо было сообщить в ВААП, и представитель агентства подписал бы за меня. Сам я, оказывается, не имею права.

Рассказываю в ВААПе об условиях, которые мне предложили, и спрашиваю: могу ли я так работать? Мне отвечают:

– Это не наша компетенция. Надо идти в Министерство иностранных дел к советнику по культуре.

Добрался я до советника, поведал свою историю.

– Теоретически можно, – отвечает он. – Но практически знаете как это будет? Американцы пошлют вам кассету. Предположим, она должна прийти завтра. Придет же... через два месяца! Потом они захотят приехать к вам с режиссером. А им визу не будут давать! Вы захотите поехать – вас туда не пустят...

– Такого контракта люди здесь всю жизнь ждут. Это счастливый случай! Ты обязательно должен остаться в Америке!..

Но как я могу остаться? В Союзе у меня жена, ребенок...

Все это добрый советник говорил мне тихим голосом, отойдя со мной в уголок кабинета. Честный человек, он не стал обманывать наивного композитора, свалившегося с луны и не читавшего важных партийных документов.

Потом к нам приехала моя приятельница из Америки, привезла пленку. Я объяснил ей, что рад бы индюк не идти, да за крыло волокут...

Позднее мне рассказывали, что тот продюсер очень сожалел. И в суд на меня из гуманных соображений подавать не стал. Хотя по злым буржуазным законам я обязан был заплатить приличную неустойку за нарушение контракта.

Я пришел домой из МИДа, а в голове крутилось: как же мне вырваться ТУДА?.. Такая ведь интересная работа!

В загс – с бывшей монахиней

В то время уже кое-кто уезжал из Союза. Некоторые ехали сначала в Израиль. Оттуда не без сложностей можно было куда угодно. Но у меня рука не поднималась сделать что-то фиктивное. Оформить, к примеру, за взятку бумаги о том, что я еврей, или жениться на еврейке... Придумать, конечно, можно было. Но я же не хотел уезжать насовсем! Только поработать! Мне было пятьдесят лет, полон сил и идей.

И тут в шляпе с тросточкой снова появился изящный джентльмен по имени Случай.

Напротив нашего дома в Большом Ржевском переулке жила знакомая моей жены. Они вместе работали в музыкальной школе, ходили друг к другу в гости. У нее был муж француз, переводчик и преподаватель русского языка в Париже. В свое время он шесть лет преподавал французский в Одесском университете. Меня с ним познакомили. Ален оказался очень симпатичным парнем. К тому времени я уже был один, моя любимая жена Светлана, с которой мы счастливо прожили почти тридцать лет, умерла. Я рассказал Алену о своих мытарствах. Он говорит:

– У меня во Франции – сестра Женестьева, она не замужем. Давай познакомлю тебя с ней?

Он показал мне ее фотографию. Женщина мне понравилась. Француженка... В этом есть какая-то экзотика.

Потом она приехала сюда, я ей тоже почему-то понравился. Русский... Наверно, в этом тоже есть свой аромат. Для француженки.

Возникла взаимная симпатия.

Женестьева была очень мила. Она художница, к тому же пела в хоре, знала и любила музыку. У нас было что-то общее.

Прошло какое-то время, и я решил: где наша не пропадала, женюсь! Шел 1980 год. Мы расписались.

Вот так неожиданно получилось, что я женился на чуждой советскому человеку иностранке. Конечно, у нас на это смотрели косо. Но что делать? Спасибо, что хоть не американка!.. У нас с Америкой холодная война!

Я думал: не получится – расстанемся. Дочь у меня уже большая. Она особого значения тому, что я женюсь, не придавала.

Говорили мы с Женестьевой по-английски. Я французский не знал, она английский – не очень, но постоянно что-то подучивала. Выучила и несколько слов по-русски.

Ей было сорок два года. Детей не имела. Замужем не была. У нее очень интересная судьба. Когда-то отец не разрешил ей выйти замуж за ее возлюбленного, и она ушла в монастырь. И прожила там пятнадцать лет. Потом вернулась в мир, жила в Тулузе. А потом произошла наша историческая встреча.

Итак, мы зарегистрировались и поехали в Иваново, в Дом творчества на двадцать дней. В Рузе, под Москвой, жить вместе нам не разрешили: жена-иностранка очень опасна для державы. А в Иваново – можно, все-таки далеко от столицы. У нас там был медовый месяц. Она нарисовала мой портрет. Я предложил ей жить в Советском Союзе, но она отказалась. Ее пугала атмосфера, создаваемая властями. Я наивно предложил жить полгода во Франции, полгода – здесь, полагая, что нам так позволят добрые советские начальники. Но не тут-то было!

Когда Женестьева приехала в Москву в первый раз, будучи моей женой, и я встречал ее в аэропорту, мне сказали:

– Она поедет в автобусе с иностранцами, а не в вашей машине!

Объясняю:

– Я же муж!..

– Да хоть папа римский! Нет, и все!

И я в машине ехал за автобусом. В качестве почетного эскорта. Подъехали мы к гостинице «Космос». В Москве как раз проходила Олимпиада-80. Кругом было много родной милиции. Мы заходим в гостиницу, и вдруг в тамбуре, между дверями возникают трое в штатском со строгими лицами. И требуют у Женеваевы документы. На Западе в гостиницах из закутков никто внезапно не выныривает и не спрашивает паспортов. Женевьеву затрясло от страха, как в тропической лихорадке.

Наша тройка очень внимательно изучила документы Женеваевы, а мой паспорт даже не попросила. Хотя мы разговаривали с ней только по-английски.

Но это была только прелюдия. Мне не разрешили жить в гостинице вместе с женой, а ей – у меня дома!

Союз композиторов разрешил нам пожить вместе в Иванове, хотя в парткоме СК смотрели косо. Но это уже было позже. А в первый приезд Женеваева пожила неделю, помучилась (в гостиницу меня пускали с трудом, в одиннадцать вечера требовалось очистить помещение от гостей) и уехала во Францию. А я подал документы в центральный ОВИР, там у меня был хороший знакомый. Я сказал, что хочу поехать к жене во Францию на три месяца. Проходит два-три месяца, рассмотрели мои документы. И мой знакомый говорит:

– А тебе отказали! Почему? Считают: не целесообразно. Теперь только через год можешь обращаться.

Год надо ждать! Двести лет надо ждать, чтобы к жене попасть! Что ж, видимо, придется долго жить. Вот я долго и живу...

Спрашиваю:

– Что же мне делать?

Он отвечает:

– Если опять напишешь «на три месяца», тебе опять откажут. Еще год будешь ждать. Так будешь пять лет ждать, тогда, может, и разрешат. Напиши лучше – «на постоянное место жительства». Отпустят!..

– Но я не хочу на постоянное!..

– Ты ничего не теряешь. У тебя здесь дочь, у нее квартира. Напишешь письмо, она потом пропишет тебя на своей площади. В любой момент можешь вернуться.

Это – теоретически. Забегая вперед, скажу, что практически меня обратно не пускали полтора года!

Но тогда мне ничего не оставалось, как соглашаться на предложенный вариант. Но и на него ушло целых два года! В 1980 году я подал документы, и только в 1982-м мне позволили сматывать удочки.

У ГОГОЛЯ В ГОСТЯХ

Я собрал кое-какие вещи, ноты. Рояль, книги, картины, конечно же, взять с собой не разрешили. Что мог, все уложил в машину. Мне великодушно выписали документ о том, что мои «Жигули» пятой модели могут не возвращаться на родину. Я поехал через Ленинград – в Хельсинки, там у меня жил знакомый продюсер Юсси Кохонен. Мы работали с ним в советско-финской картине Гайдая «За спичками». Он говорил мне, что у него в Хельсинки есть режиссер, который хотел бы со мной работать. И ему в тот момент требовалась музыка танго. И я для этого написал пять разных танго. Юсси послушал и сказал:

– То, что надо! Приедешь – будешь работать.

И я поехал.

На таможне меня встретил интеллигентного вида офицер-пограничник и сообщил, что машину я должен непременно вернуть отчизне, щедро поившей меня березовым соком.

– У меня ж разрешение на постоянное место жительства, – слабо сопротивлялся я, – и машина не ворованная!..

Страж театрально разводил руками и делал книксен: мол, рад бы, да ничего не могу. Пришлось клятвенно пообещать, что обязательно верну железного коня в родное стойло.

Париж, 1983 год

Приехал я в Хельсинки с радужными надеждами, подышал буржуазно-демократическим воздухом, пожил у своего приятеля несколько дней. И тут выяснилось, что, к сожалению, обещанного фильма не будет: финансы поют романсы. Нет денег – нет фильма. Утром деньги – вечером фильм.

Но добрый приятель Юсси пообещал мне помочь. У него есть друг, режиссер Войтех Ясный, тот, в свою очередь, – друг знаменитого Милоша Формана («Полет над гнездом кукушки»), они оба из Чехословакии. Ясный сейчас в Германии снимает фильм «Самобийца» по Эрдману. И у него нет композитора!..

После звонка моего приятеля Войтех Ясный сразу согласился со мной работать, чему я был крайне удивлен и обрадован: на Западе очень тяжело получить работу. Потом я узнал, что его композитор заболел, попал в психиатрическую больницу. Ну, может, не все же композиторы туда попадают...

Я приехал во Францию и связался по телефону с Ясным. Он сказал, что будет на следующей неделе в Париже. Какая удача! Он привез сценарий, показал один из своих фильмов. Картина была отличной! И мы начали работать. Я бы с ним так и дальше работал, но, к сожалению...

Кстати, работая над музыкой к этой картине, я месяц жил в семье... Гоголя. Так звали очень симпатичного художника картины немца Гоголя Бехренда. Его родители так любили Николая Васильевича Гоголя, что сына назвали в его честь.

Сделаю небольшое отступление. Среди некоторых композиторов бытует мнение, что кино – это что-то вроде халтуры. Чего-нибудь напишешь, музыка фоном пойдет – и ладно. Получи две с половиной тысячи рублей (ставка тех лет), да еще потом и потиражные идут, если фильм хороший. Но любая работа может быть халтурной, если к ней соответственно относиться. Я же, во-первых, люблю работать в кино. Во-вторых, привык любое дело делать так, чтобы потом не было стыдно. Допустим, приношу Гайдаю какой-нибудь музыкальный номер, ему нравится. Проходит неделя, и я этот номер переделываю. Он становится интереснее. Прихожу к Гайдаю и говорю, что номер переделал.

– Но он же хороший был! – слышу от него.

– А стал еще лучше! – отвечаю.

И Гайдай знал, что я никогда не халтурю. Так же и с Ясным. Я написал два финала к фильму – один для интеллектуалов, для режиссеров, другой – для широкой публики. Он слушал-слушал, никак не мог решить, какой выбрать. Дал послушать жене. Потом, наконец, принял решение. Он тоже понял, что я отношусь к работе серьезно.

В его картине мне пришлось написать шесть текстов к песням. Ясный хотел взять стихи из песен Высоцкого, чтобы я написал на них музыку. Мне этого не хотелось. Я, конечно, мог. На Западе никто не знает эти песни Высоцкого. Но душа не лежала. Потом, к счастью, и нужда отпала. Стихи взяли из какого-то американского сборника, за авторские права заплатили большие деньги, и Ясный отказался. С Россией же они почему-то не связывались. Хотя, думаю, вопрос решили бы элементарно.

Мне пришлось самому писать стихи. Раньше не пробовал? За границей все сможешь!.. Конечно, я в состоянии что-то срифмовать, но это же не стихи. Тем не менее, пока Шекспир отдыхал, шесть песен я сочинил. Режиссеру понравилось. В фильме их исполняла финская цыганка Анели Сари. Русского языка она не знала, а надо было петь по-русски. Пожалуйста! Написал ей текст латинскими буквами...

В итоге я вроде бы успокоился. Ясный сказал, что хочет работать со мной и дальше. А он делает один-два фильма в год. Чем плохо? Гонорар за музыку складывается так. В контракте предусматривается, например, – кто будет дирижировать оркестром. Я спрашиваю:

– А какой оркестр?

Думаю: если большой симфонический, зачем мне браться? При том еще, что я знал немецкий очень плохо, а дело происходило в Германии.

Режиссер отвечает:

– Оркестр – человек семь.

Это мне вполне по силам. Бодро говорю:

– Я дирижер!

Он:

– Пишем: еще две тысячи марок. Так, кто пианист?

– Я!

– Еще тысяча марок!

Непосредственно за музыку – четыре тысячи. За стихи к песням – две.

– Кто записывает музыку?

А у меня была портативная четырехканальная студия, синтезатор, вся необходимая техника. Поэтому, естественно, говорю:

– Я!

– Тогда еще три тысячи!

Кстати, в этом фильме снималась Марина Влади. Мы с ней познакомились, часто общались.

Конечно, это была уже не та юная колдунья, какой ее помнят наши зрители в фильме по Куприну. Она поправилась, была не очень опрятно одета, без косметики. Может, конечно, потому, что шли съемки и ее постоянно гримировали.

В то время она была вдовой. Высоцкого уже не было в живых. Марина хорошо говорила по-русски, без акцента, рассказывала много интересного о своей жизни, о Володе, о том, как было иногда трудно, а во время его запоев – просто ужасно...

Я виделся с ней и несколько лет спустя в Париже. Она вышла замуж за хирурга-миллионера и полностью преобразилась. Выглядела прекрасно! Хорошо одета, отличная прическа. Снова стала изящной и интересной... Часто выступала по телевидению.

После того как фильм Ясного прошел в Германии и Франции, мне заплатили еще около пятидесяти тысяч франков. То есть всего я заработал около двенадцати тысяч долларов. На эти деньги купил колоссальную аппаратуру для моей студии! Все шло замечательно. Единственное, о чем тогда не думал, – как буду ездить в Советский Союз.

Мне пришлось самому писать стихи. Раньше не пробовал? За границей все сможешь!.. Конечно, я в состоянии что-то срифмовать, но это же не стихи. Тем не менее, пока Шекспир отдыхал, шесть песен я сочинил.

Через год я съездил на неделю в Москву просто по туристической путевке. Иначе нельзя...

...Когда я приехал во Францию, Женестьева уже сняла в Париже квартиру в хорошем районе. Правда, на пятом этаже, без лифта. Но нам ли, бывшим обладателям хрущевок, страшны такие невзгоды?! Квартира была небольшая, одна комната – метров восемь, вторая – четырнадцать, и маленькая кухонька. Мы жили там неплохо. Отец Женестьевы раньше был органистом, а потом завел себе бюро и занимался продажей и сдачей квартир. Он-то и нашел нам жилье.

Женестьева все время искала работу. Художников в Париже – тьма-тьмушая, как и музыкантов. И найти работу очень сложно. К тому же у нее непростой характер. Допустим, нарисовала она картину и продала. Ну, так сделай таких еще три! Нет, она так не хотела. В итоге зарабатывала немного. Но у меня были кое-какие деньги, и поэтому мы жили нормально.

Во Франции, естественно, тоже есть организация типа нашего КГБ. И меня проверяли. Было очень интересно. Пришло письмо: меня пригласили зайти. Прихожу. Сидит симпатичный человек, по-русски говорит прекрасно.

– Знаю, – говорит, – что вы композитор.

Задавал мне какие-то вопросы. Все нормально прошло. Через какое-то время звонит и предлагает встретиться еще.

– Пожалуйста! – говорю. – Готов подъехать.

А он:

– Да нет, я сам к вам зайду.

Я купил пирожные, чтобы его угостить, цианистый калий класть туда не стал, сварил кофе. Он вошел, попросил разрешения посмотреть квартиру. Первым делом, вижу, отметил, что у меня синтезатор стоит. Проходит. Обратил внимание на ноты. Но можно же сделать вид, что я пишу ноты. Говорю, мол, сейчас сочиняю то-то и то-то, немножко сыграл на инструменте. За кофе он стал задавать мне очень тонкие вопросы, на которых, по его мнению, можно подловить – настоящий я композитор или фиктивный.

Спрашивает:

– А знаете ли вы такого певца, как Рогатников?

– Рогатников? – говорю. – Такого певца нет! Есть Богатиков!

Тут он, похоже, окончательно поверил, что его не обманывают. Мой визави полагал, что только настоящий композитор может знать такого певца...

На этом испытания завершились. Разведчик съел пирожное и, довольный, ушел. Больше пирожных для него покупать мне не пришлось.

Разведенный и безработный

Шел третий год моей жизни в Париже. У меня осложнились отношения с женой. Когда-то до меня у нее был в Тулузе любовник. Как полагается, женатый, с двумя детьми. И вот однажды, когда я был в Москве, он пробрался в Париж, чтобы встретиться с Женевиёвой. Вероломно сводил ее в ресторан, угостил французским вином, которое располагает к романтическим отношениям, и сказал, что любит, как Ромео. Более того, уйдет от жены со всеми вытекающими. Она этому поверила, и когда я приехал, чистосердечно мне все рассказала.

– Я, – говорит, – с тобой уже не могу жить, потому что была с ним... Он пообещал вскоре забрать меня к себе!

– И ты ему веришь? – спрашиваю. – Почему же до твоего замужества он всего этого не сделал? А все по-командировочному – приехал, раз, раз – и уехал!..

Она – ни в какую:

– Верю – и все!

Я говорю:

– Ладно, давай забудем это, все будет нормально.

– Нет, – отвечает, – я так не могу.

Пятнадцать монастырских лет не прошли даром. А еще до того, как его обман открылся, она начала бракоразводный процесс. Я говорю:

– У меня сейчас нет денег. Давай поеду в Россию и там оформлю документы о разводе?

Она отказалась, сказала, что все оформит сама. Главное, чтобы я не препятствовал.

– Ну, раз уж ты решила, – говорю, – и у тебя такая старая любовь... Если раньше это было невозможно, а теперь он созрел, – что делать!..

И она подала на развод. А потом как-то приходит, вся заплаканная. Выяснилось, что он не может оставить семью. Но любить ее – любит по-прежнему...

И мы развелись. Собственно, она развелась со мной. Но продолжали пока жить вместе.

Через какое-то время она попросила меня, чтобы я куда-нибудь переехал. Потому что ей тяжело: она и хотела бы ко мне вернуться, но раз изменила, то не имеет права...

Подыскали мне квартиру, и я перебрался туда. Удовольствие это было для меня дорогое, так как я сидел без работы. Ведь Ясный уехал к Милошу Форману в Нью-Йорк преподавать в Колумбийском университете. Он собирался и там снимать фильмы. Сказал мне, что будем работать там. Но до сих пор не получил фильма.

Получить фильм – это удача, случай. Сейчас он просто преподает. В свое время они даже хотели найти преподавательское место и для меня, чтобы я читал лекции на тему «Музыка в кино». Не получилось: финансовые проблемы. Киношное отделение Милоша Формана держится исключительно на спонсорских деньгах. Осенью декан, выпучив глаза, начинает бегать по организациям, собирать спонсорские взносы. Потом они год живут. На будущий год – все сначала...

...Квартира оказалась дороговатой для меня, и я снял комнату на самом верху, под крышей дома гостиничного типа. Умывальник – в комнате, а душ и туалет – в коридоре. Не очень здорово, но втрое дешевле!

Я два раза ездил в Америку, искал того продюсера Кэша, с кем мне не довелось поработать. Искал и думал: ну, не найду, так в конце концов смогу и во Франции работать! На неделю буду ездить в Россию, записывать со своими музыкантами. И все будет хорошо. Короче, размышлялся.

Но продюсер бесследно исчез. Я пытался разузнать через друзей. Глухо. Куда он делся? На какую студию перешел? Мне говорили: надо было оставаться, когда предлагали работу!.. Да, «есть только миг», за него и надо было держаться!..

Чарующий кофейный аромат

Ситуация сложилась аховая: денег мало, заказов нет. Впору почитать Чернышевского – «Что делать?». И тут я почти случайно встретил режиссера Андрея Кончаловского.

Он тоже искал себе работу во Франции. Жил несколько лет в Париже и ничего не мог найти. Это очень сложно. Никакие режиссеры не нужны. Он всем показывал свою великолепную «Сибириаду», эпохальную картину, прекрасно владел французским и английским. Но ничего не мог сделать.

Раньше мы с ним знакомы не были, только знали друг друга по именам. Есть такой Кончаловский, есть такой Зацепин. Я не говорил Андрею, что ищу работу. Рассказал, что у меня была работа с Войтехом Ясным, но он уехал. И я теперь не знаю, что делать. Наверное, буду возвращаться в Россию. Он сказал:

– Не торопись, еще будет возможность. Будет у меня работа, я тебя приглашу. И студия у тебя будет, и все будет!

Окропил мои изрядно подувядшие надежды радужными брызгами живой водички.

А вскоре Андрей позвонил и сказал, что будет снимать рекламу кофе. И предложил написать музыку. Я с удовольствием согласился и написал несколько тем. И еще показал ему песню «Небо мое» с Ободзинским. Она ему понравилась.

– Давай, – говорит, – сделай эту тему!

А музыки требовалось всего двадцать девять секунд. Я написал, походил к нему на съемки.

Мост Александра III, 1984 год

Там героиня ролика выныривала из бассейна, ей подносили чашку дымящегося кофе, в которую до этого ассистент усердно задувал сигаретный дым. Выходило очень эффектно. Правда, запах был ужасный, но дама улыбалась: какой кофе!..

Музыка получается анонимной, отдаешь ее – и все, тебя вроде не существует, но ты получаешь три тысячи долларов. Хотя настоящему французу заплатили бы пять. За двадцать девять секунд.

Я записал несколько тем на кассету и отдал музыкальному редактору, с которым общался. Мало ли, может, позовут... Хотя Кончаловский сказал, чтобы я даже не пытался: туда не попадешь никогда. Хорошая у тебя музыка или плохая – путь закрыт!

Так и получилось. Меня никто потом не позвал.

Я был очень благодарен Андрею. У меня появились хоть какие-то деньги на жизнь. Я пошел в советское консульство и подал заявление на возвращение в Россию. Это было 3 мая, кажется, 1984 года.

Спрашиваю:

– Когда можно ждать ответа?

Мне какой-то Сергей Иванович отвечает:

– Через два месяца.

Прихожу через два месяца. Сергея Ивановича уже нет, сидит какой-то Иван Сергеевич. Говорю:

– Иван Сергеевич, я тут оставлял письмо Сергею Ивановичу. Прошло два месяца...

А он мне очень ласково:

– Ну что вы, два месяца!.. Такого не бывает. А какое, кстати, письмо?

Открывает ящик стола, а там мое заявленьице! Как лежало, так смирехонько и полеживает. Никто его никуда и не отсылал.

– Что вы, Александр Сергеевич! – повторяет добрейший Иван Сергеевич. – Два месяца – это нереально. Полгодика, год – другое дело!

Музыка получается анонимной, отдаешь ее – и все, тебя вроде не существует, но ты получаешь три тысячи долларов. Хотя настоящему французу заплатили бы пять. За двадцать девять секунд.

Сразу вспомнился Гоголь. Сколько времени пролетело с тех пор, а все так же мило и приятно.

Мои французские друзья очень удивлялись тому, что меня не пускают на Родину, к себе домой. Нет логики? А может, у меня полно тайных сведений? Может, я шпион? Приеду и все передам кому надо. А так, глядишь, годик пройдет, моя секретная информация устареет... Есть логика, есть!

Прошло полтора года. Раздалась команда: «Запускайте Берлагу!..»

А я ведь рассчитывал, что уеду через пару месяцев, как обещали, поэтому от каких-то предложений по работе уже успел отказаться. Смиренно ждал. Потом смотрю: а мне уже и есть нечего!.. Сажу в своей комнате, кругом Париж, а у меня – полное отсутствие денежных знаков и продуктов питания...

Аккордеонист и ночные бабочки

Знакомых практически нет, помочь некому. Французский язык я уже немного знал. Мне сказали, что в одном месте есть бар, где можно очень прилично зарабатывать. Надо просто играть на аккордеоне.

Ну, на аккордеоне я раньше умел играть хорошо. Купил на последние деньги маленький аккордеончик и отправился в этот бар.

Туда надо было приходить к одиннадцати вечера и играть до пяти-шести утра. В мои тогдашние пятьдесят восемь лет это было не очень полезно для оставшегося здоровья. К тому же я не привык работать по ночам, а днем спать не могу.

Бар этот особо ничем не отличался от других. Туда приходили очень дорогие «ночные бабочки», с виду и не распознаешь их профессию. Они брали по две-три тысячи франков. Уходили с богатыми клиентами в отель, потом возвращались. Все выглядело скромно и интеллигентно.

Париж, «Мулен Руж», 1983 год

А играть можно было что угодно. Просто фон. Часто заказывали русские песни — «Дорогой длинною», «Катюшу». В основном французские, американские песни, какие на слуху в Европе. Вальсы русские играл. Там очень популярен вальс «Амурские волны».

Однажды в бар заглянул... композитор Никита Богословский! Правда, тогда, будучи занят игрой, я его не заметил. Зато он меня, как потом выяснилось, с партийным ленинским

прищуром разглядел хорошо. Это было уже его второе роковое появление в моей жизни. Но об этом – позже.

Платили в этом баре мне так. Наливали за игру шкалик водки. На самом деле – воду. Настоящую же водку продавали, и эти деньги отдавали мне. Каждая порция водки стоила восемьдесят франков. Я получал по сто, а то и двести долларов за ночь игры. И выпивал несколько шкаликов воды из-под крана, не пьянея. Иногда, правда, выходила всего двадцатка. Вроде бы неплохие заработки. Но музицировать требовалось шесть ночей в неделю!..

Я приходил домой в шесть-семь утра и ложился спать. Просыпался в двенадцать часов дня и уснуть больше не мог. В итоге спал, как Ильич, по четыре-пять часов в сутки и стал уставать. Я уже не мог подниматься по лестнице в свой скворечник. Пройду четыре ступеньки – ноги наливаются свинцом. Сил совершенно не стало. Пошел к врачу. Тот сказал:

– Надо сделать анализы, но и так видно, что у вас анемия Бирмера, резкое малокровие.

Короче, не хватает каких-то красных кровяных шариков, которые переносят кислород. Слабость от того, что мышцам недостает питания.

Доктор сказал, что надо немедленно лечь в больницу. А все происходило перед Новым годом, числа 29 декабря. Я пришел в больницу, рассказал про рекомендации врача. Медперсонал зашушукался. Я понял: из-за того, что у меня нет страховки. Как им меня, бедолагу, взять? И отпустить не имеют права. Возьму где-нибудь, завалюсь да отдам концы, а они будут отвечать.

Капиталистический гуманизм победил. Меня оставили в больнице и сделали анализы. Картина получилась ужасная. Влили мне триста пятьдесят кубиков французской крови и назначили уколы витаминов В₁₂. Через часа три я вышел из больницы с рекомендацией колоть витамины всю оставшуюся жизнь. Раз в месяц – по уколу... Несколько лет я сам себе колол, но потом перестал. И вроде бы все нормализовалось.

Из больницы ушел расстроенным: в том ночном баре уже работать не мог. Режим неподходящий. К тому же там все прокурено, а я некурящий. Продержался месяц всего.

После больницы пришли деньги за фильм. Я с облегчением вздохнул. И... купил аппаратуру. Еще до этого, когда были деньги, я потихоньку прикупил колонки, дорогой пульт и сейчас приобрел все остальное для студии.

Платили в этом баре мне так. Наливали за игру шкалик водки. На самом деле – воду. Настоящую же водку продавали, и эти деньги отдавали мне. Каждая порция водки стоила восемьдесят франков. Я получал по сто, а то и двести долларов за ночь игры.

В это время я жил у моего друга Алена, брата моей бывшей жены Женовьевы, который мне очень помогал. По работе он переехал в другое место, и квартира пустовала. Поэтому я уже не платил за жилье. Хороший дом в приличном районе, а вот ванны почему-то не было. Я сам там соорудил душевую кабину. Грамотно провел трубы, спаял, сварил все, что надо. Алена остался очень доволен. Он до сих пор там моется и меня вспоминает теплыми французскими словами. А я его – русскими.

Продукты покупал в магазине. Что-то сам готовил. Ходить в рестораны позволить себе не мог. Хотя в ресторанах типа «Макдоналдса» бывал. Еще – в китайских, там вкусно и дешево. В Москве же, кстати, – все наоборот, в китайских почему-то дорого.

Меня потом в России спрашивали: Париж, ночной бар, а романы?.. Увы, было не до романов! Жил в постоянном ожидании разрешения на выезд, в стрессовом состоянии. Познакомили, правда, меня с одной дамой, актрисой. Даже была перспектива жениться. Но зачем? Что, работа от этого появится? Или жить на деньги этой дамы? Нет, решил уехать, надо собираться!

А «Жигули» подарил немцам

После выхода из больницы у меня появился ученик, играл на рояле. Но это были копейки. Если у нас в музыкальной школе занимаются два раза в неделю по несколько уроков, то во Франции могут – раз в неделю по полчаса. Это несерьезно, мертвому припарки. Так пришлось перебиваться до следующего ноября...

А до этого у меня был очень забавный случай. Я же два раза ездил в Америку к моему режиссеру Войтеху Ясному. Он заверил, что скоро будем работать. Со своим земляком Франком Даниэлем, доцентом того же Колумбийского университета, он сделал сценарий по Александру Солженицыну «Карл Маркс в Москве». Такая фантастическая комедия о том, как Маркс приехал в Россию и увидел, что он натворил. Я тогда сказал Войтеху: чехи оккупировали Колумбийский университет...

Я подумал, что после участия в такой картине меня уже точно не пустят в Советский Союз...

И вот однажды, когда я сидел у Ясного, к нему пришел энергичный, небольшого роста еврей. Он назывался просто консультантом. Знал все студии, всех режиссеров, кому что надо. Ясный сказал:

– Вот есть восемь миллионов долларов. Думаю, на фильм этого должно хватить.

Консультант пожевал губами и вздохнул.

– Снять-то фильм можно, – сказал он. – Но после этого больше уже никогда снимать не придется. Потому что с таким бюджетом хороших актеров не взять и ничего приличного не выйдет. Конечно, может, вы продадите фильм и еще восемь миллионов заработаете. А может, и нет. Тем не менее второго фильма вам уже никто не даст!..

Я, Малик – мой менеджер и друг, мой коллега композитор Гена Гладков. Минск 2012 г.

Ясный показывал один из своих фильмов, который он снял в Чехословакии. Замечательный! Но первый вопрос, который задают в Америке: «А что вы сделали в прошлом

году?» Ясный сделал какой-то фильм с маленьким бюджетом. Он не имел средств для воплощения своих идей. Но это никого не волнует. Раз не было денег, значит, вы никому не нужны!

И на этом все кончилось.

Композитору-иностранцу в Америке все же полегче, чем режиссеру. Мне достаточно послушать национальную музыку, чтобы написать в нужном стиле. Режиссер же, снимая в Америке, должен быть или американцем, или, по крайней мере, молодым. Он должен все знать до деталей. Потому что актеры могут быть из разных стран. Тот не так сел, тот не так держит что-то. Режиссер должен поправить и объяснить, как это делают в Америке. Скажем, в интерьере американского дома вот такого быть не может, а должно быть так. Ясный же – иностранец. Хотя и хорошо знает английский. Но ему уже за шестьдесят. И получается: во#первых, иностранец, во#вторых, за шестьдесят, в-третьих, в прошлом году ничего не снял. А то, что снял десять-пятнадцать лет назад, – уже не показатель.

Вот так. Ясный до сих пор фильма не получил.

Там я познакомился еще с одним режиссером, нашим эмигрантом. Он помогал делать дипломные фильмы режиссерам-выпускникам.

– Не знаю, – сказал он, – сколько мы сможем заплатить композитору. Нам дают всего сто тысяч. Играть будут наши актеры. Мы каждый год делаем по такому фильму. Его потом продают, расходы возвращаются, что-то даже зарабатываем. Так что тебе мы, возможно, заплатим три-пять тысяч. Хочешь?

Я говорю:

– Да, очень хочу!

Мне дали сценарий, средний, на мой взгляд, бытовая мелодрама. Режиссер-дипломник дал мне кассету музыки – в каком ключе он хотел бы, чтобы я сделал. Я вернулся в Париж и там написал несколько тем. Требовалось еще две песни. Я сочинил. И все это очень понравилось американскому режиссеру. Я сказал, что нуждаюсь в материале, потому что надо дальше сочинять музыку. Мне прислали одну сценку без текста. Говорю:

– Этого мало!

Мне отвечают:

– Срочно переписываем и высылаем кассету!

Месяц с нетерпением жду кассету... Звоню режиссеру. И слышу:

– Мы уже взяли другого композитора.

– Как так?!

– Ты же молчишь, – отвечает. – Решили, что передумал. Кассету-то мы послали в тот же день.

А через два дня получаю злополучную кассету. Она каким-то образом вместо самолета попала на пароход и спокойно целый месяц плыла по океану...

Просто наваждение!.. Как будто Америку от меня заговорили! То негра Кэша не нашел, то у Ясного дела – швах, то кассета не летит, а плывет... Хорошо, хоть не утонула.

А тут еще и семейная жизнь не сложилась. Денег нет. Надо возвращаться в Россию!

А там за это время Гайдай сделал фильм без меня. Музыку написал Максим Дунаевский. Когда я приезжал по туристической путевке в Советский Союз, мы встречались с Гайдаем, и он дал мне прочитать сценарий. Я был готов написать музыку к фильму, но работать мне пришлось бы во Франции. Мы решили посоветоваться с директором «Мосфильма» Сизовым. Тот сказал, что он «за», но один ничего решить не может. Надо посоветоваться. Ему ответили: «Нецелесообразно!»

Когда после больницы я получил деньги за фильм и купил аппаратуру, то поехал в Германию и очень недорого приобрел «Мерседес». А во Франции за каких-то шестисот франков нашел прицеп, такой, с какими ездят отдыхать. На нем было написано «Блины». Кто-то торговал в нем блинами. Я его сам перекрасил в белый цвет.

Наконец, в ноябре из России пришло разрешение...

Купленный «Мерседес» оставался в Германии. Оттуда я собирался поехать в Россию. Приехал в Гамбург на «Жигулях» с прицепом, возникла проблема – куда девать «Жигули»? Приятель посоветовал продать машину арабам – владельцам гаража. Те не захотели. Даже бесплатно на запчасти. А машина числится на мне, ее надо как-то оформлять. Поехали на автомобильное кладбище, но с французскими номерами и там брать не стали. Тогда мы подъехали туда ночью и, сняв номера, оставили мои несчастные «Жигули», которые никому оказались не нужны даже даром... Не довелось мне их вернуть на таможню.

А «Мерседес» у меня был белый. Так что возвращался я в Союз на «белом коне». С прицепом.

И снова здравствуй, Гайдай!

Аппаратуры было огромное количество. Весь прицеп забит. Выезжая из страны, при пересечении границы, нужно отметить, что я эти вещи увожу. Мне ставят печать, отрывают три листочка, и один листочек куда-то отсылают. Второй надо привезти в магазин, где делал покупки. Моя приятельница Маргарита Лурье по этому листочку получила для меня деньги (возвращают пошлину 20 %). С восьмидесяти тысяч около двадцати тысяч возвращают. На них я потом еще накупил аппаратуры. Маргарита мне очень помогала во Франции. К сожалению, ее уже нет.

Мы с ней познакомились случайно. Она показала мне кассету со своими песнями. Потом написала тексты на французском к двадцати моим песням. Решили сделать концерт. Она арендовала небольшой зал, организовала афиши, билеты, мы записали концерт на кассеты, чтобы потом продать. Купили мне блестящий пиджак. Провели два концерта. Но доход был мизерный. Никто не знает ни «Кавказской пленницы», ни Зацепина...

...Было несколько случаев, когда я проезжал таможеню при полном отсутствии таможенников. Вот демократия!.. Один раз была забастовка. Таможенниками и не пахло. Когда мы стали выезжать, французов еле-еле нашли. А бельгийский таможенник противный попался. Он говорит:

– Я вас не пушу! Может, вы тут продадите свою аппаратуру. Давайте за нее залог. А когда перевезете через нашу страну, вам его вернут.

Но зачем такая канитель? Мы плюнули и поехали на другую таможеню. Там пропустили.

Проехали Германию. Там я бросил «Жигули», прицепил вагончик к «Мерседесу» и с транзитными номерами поехал через Польшу. Приезжаю в Польшу к вечеру, лопается колесо у вагончика. Уже темно, куда деваться? Подошел какой-то пан. Спрашивает:

– Нет какого-нибудь товара?

– Нет, – говорю.

– Ну, может, хоть какой-то есть? Для детей или парфюм?

– Да нет у меня! – отвечаю. – Вот с колесом проблема.

Он, торговая бестия, говорит:

– С колесом мы сейчас что-нибудь сделаем, а ты пока поищи какой-нибудь товар.

Я ему что-то дал, подъехали к гаражу, это рядом, и я купил колесо от старой «Победы». Я его поставил и поехал. Уже поздно, десять часов вечера. Проехал два квартала, вижу: площадочка, трейлеры стоят. Поставил я туда свой прицепчик. Глядь, а колесико, что они мне дали, лопнуло! Снял я его, вернулся. Там уже никого, но ворота открыты, никто ржавые старые списанные машины не охраняет. Делать нечего, открутил я колесо от «Победы» и переставил себе. Утром проехал польскую границу, все нормально. Впереди – наша, советская...

– Вот, – говорю, – я композитор, возвращаюсь домой.

Имя мое им оказалось знакомо.

– Сейчас, – говорят, – Александр Сергеевич, посмотрим, чего вы там везете!..

И занимались со мной часа три.

– Вы, – говорят, – подавайте нам ваши ящики, а мы каждый будем смотреть.

Наткнулись на книгу Высоцкого.

– Это нельзя!

Ну, хорошо, нельзя так нельзя. Мне бы самому проехать. Книжка-то – ладно. Тут один таможенник куда-то ушел, второй остался. Я один ящик незаметно ногой в сторонку передвинул, туда, где они уже смотрели. У меня там ничего особенного не было, так, барахлашко. А процесс осмотра продолжается. Я еще один ящик передвинул. Ну, чтоб скорее... В итоге

они книжку и еще какую-то ерунду конфисковали. Их литература волнует, вдруг я что-то антисоветское везу в социалистический заповедник!

Наконец, закончили. Зять Борис, приехавший меня встречать, продрог, как цуцик, ожидая меня около ворот. Мы сели в машину и поехали. Проехали километров восемьдесят – снова колесо лопнуло! Другое уже. Я зятя оставил в вагончике мерзнуть, а сам поехал искать колесо.

В какой-то городишко заехал, нашел хозяйственный магазин, спрашиваю:

– Где мне взять колесо «на шестнадцать»?

Тут какой-то человек говорит:

– О, это от старой «Победы», я тебе дам! Давай ко мне поедem, я тут живу недалеко, пятьдесят километров.

Какое-то колесо – от сенокосилки или комбайна – мы все-таки купили. Оно подошло. Вернулись к вагончику с зятем, прицепили и поехали к новому знакомому. Там он нас покормил горячей картошечкой. Но колеса нужного все-таки не нашли. Пришлось ехать без запаски.

Ну, а потом нормально добрались до Москвы.

На Студии Горького я делал фильм «Она с метлой, он в черной шляпе». Стихи писал Илья Резник, потому что с Дербеневым мы до этого поссорились. А потом помирились и снова стали дружить и работать, как раньше. Продолжили работать с Гайдаем. Но очередной фильм «Не может быть» по Зощенко оказался средним, и песни у меня что-то не пошли.

А «Облико морале» подкачало!

Когда я работал в ночном баре, туда забрел Никита Богословский. В те времена во Францию он приезжал частенько. Наверно, был очень благонадежным, и его пускали без проблем и провожатых.

Ну, зашел в ночное питейное заведение, где обитают дамы полусвета, увидел коллегу по творческому цеху, соотечественника в бедственном положении, – так подойди же, пожми ему мозолистую от клавиш руку, обними, троекратно расцелуйся, на худой конец! Нет, не подошел!.. А наоборот, тут же вышел, как только меня узрел. Чтоб я его не увидел.

Зато, когда вернулся в Белокаменную, по полной программе доложил в Союзе композиторов, что Зацепин позорит советских композиторов, играет, понимаешь, в таком баре, куда заходить противно и где вообще играть нельзя!

Вот только почему ж его, к примеру, не спросили, по каким таким надобностям он-то туда заглянул? В таком непотребном месте и рюмочку-то выпить – грех!

Однако что можно Юпитеру, того нельзя всяким беспартийным несознательным элементам. И меня благополучно исключили из московского Союза композиторов. Заочно. Как человека, дискредитирующего советский «облико морале».

Когда я вернулся, прихожу в московскую организацию Союза композиторов, где состоял на учете, и спрашиваю:

– На каком основании меня исключили? Я же в заявлении до отъезда писал, что уезжаю временно, вернусь и буду работать!.. И присылал вам письмо, что жду разрешения на возвращение.

А мне шепотом:

– Тут Богословский рассказал про тебя такое!.. Все перепугались до смерти...

Тогда я пошел к Казенину, председателю российского Союза. Казенин, добрая душа, мне говорит:

– Что ты волнуешься? Из нашего-то, российского, никто тебя не исключал, а решение московского отделения мы не пропустим, и все!

Так они и сделали. Правда, вызвали меня на какое-то собрание, начали укорять. Вы, дескать, нехорошо поступили, что так опрометчиво уехали из Советского Союза!..

Я говорю:

– А что вы меня укоряете? Я женился, а жена не захотела в Союзе жить. Потом мы расстались... Что я, злостный эмигрант, что ли? Никакого преступления не совершил. Если и там написал какую-то музыку, разве это плохо? Узнают хоть, что русские люди умеют что-то делать!

По большому счету я на них сильно не обижаюсь: они – коммунисты, сама система требовала побивать меня как следует и помакать в грязь. Им по штату полагалось этим заниматься.

С другом Павлом Шебалиным, Калифорния, 1998 год

Итак, в Союз композиторов блудного сына вернули. Союз кинематографистов, видно, не был очень уж бдительным и поэтому меня не исключал. Косых взглядов на себе я не ловил. Все было нормально. Только перестал здороваться с Богословским ...

А вот в Коммунистической партии я никогда не состоял. На меня всегда смотрели с подозрением:

– Почему в партию не вступаете?

– Не созрел еще окончательно, – говорил, – но работать над собой продолжаю!

Однако что можно Юпитеру, того нельзя всяким беспартийным несознательным элементам. И меня благополучно исключили из московского Союза композиторов. Заочно. Как человека, дискредитирующего советский «облик морале».

Однажды меня даже в КГБ вызывали. Интеллигентный человек такой, приятный.

– Вот у вас, – говорит, – есть такой знакомый в Америке – Павел Шебалин?

– Есть, – чистосердечно признаюсь. – Общаемся с ним иногда. Трудновато, правда, на таком расстоянии. Океан все же... Но с Новым годом его письмом всегда поздравляю. И он – меня. Как-то приезжал в Россию, я его возил на экскурсию, показывал красоты державы.

А мне:

– У нас есть сведения, что он... агент!

– Ну, а я-то тут при чем? – спрашиваю.

– Нет, ничего, Александр Сергеевич. Просто мы хотели поставить вас в известность.

С Павлом Шебалиным у меня был анекдотический случай. Он – брат Дмитрия Шебалина, очень известного музыканта из струнного квартета Бородина, объехавшего весь мир. Отец Павла с семьей когда-то уехал в Китай, потом Павел переехал в США.

Так вот, приезжает как-то американский Шебалин сюда, тогда еще в Советский Союз, и я собираюсь повезти его в Суздаль. Иду в ОВИР, к начальнику, которого немного знал.

– Хочу, – говорю поехать в среду в Суздаль, показать старинный русский город своему приятелю Шебалину.

- В среду? – спрашивает начальник ОВИРа. – Не совсем тот день...
- Да он уезжает потом! – объясняю. – В другой день не получается.
- Овирщик куда-то позвонил.
- Ну, хорошо, – говорит, – когда поедете?
- Утром, часов в девять.
- Ладно. – И поставил визу в паспорт.

Проезжаем километров восемьдесят, видим, маячит на дороге милиционер, пристально высматривая машины. Наконец, он обнаружил наш номер, обрадовался и останавливает нас.

А вот в Коммунистической партии я никогда не состоял. На меня всегда смотрели с подозрением:

- Почему в партию не вступаете?
- Не созрел еще окончательно, – говорил, – но работать над собой продолжаю!

Спрашиваю:

- Что-то случилось?

И Шебалин на русском языке тоже спрашивает (он прекрасно говорит на русском).

- Да нет, – отвечает милиционер. – Все в порядке. А где же у вас иностранец?

Павел говорит:

- Я иностранец! Американец.

– Да ладно!.. – улыбается милиционер. – Вы-то русский... А иностранца в багажник, что ли, заложили?.. Ну-ка, откройте!

Открыли мы багажник, там нет никого. Шебалин протянул ему американский паспорт, и тот успокоился. А мы поехали дальше. Так и не уяснив: зачем была устроена эта проверка?..

«Любви все возрасты покорны...»

Постепенно жизнь входила в привычное русло. Стали появляться заказы. Сделали два фильма с Гайдаем, с Женей Хорошевым мюзикл «Русское Рождество в Париже» совместно с французами. Мне было очень приятно делать эту работу. Наши артисты ездили в Париж. Арию Бабы-яги прекрасно спела Людмила Гурченко. Несколько номеров исполнила Таня Анциферова, которую я очень люблю (мы с ней знакомы еще с фильма «31 июня», где она блестяще спела ряд песен). Я все это записывал дома, в своей студии.

Так что работа у меня была.

В нашей семье по традиции все учились в музыкальной школе. Но вот мой внук Саша ленился, отлынивал от рояля, хотя парень способный и играл неплохо. И тогда на помощь мы пригласили Светлану Григорьевну Морозовскую позаниматься с ним дома. Она очень хорошая пианистка, Гнесинский институт окончила и там успешно работала.

Тут уж внуку деваться некуда: педагог приходит, надо играть!.. И вот как-то я посмотрел на нее раз, другой... Женщина она симпатичная, обаятельная, прекрасно играет на рояле. И она на меня посмотрела... И так посмотрели мы, посмотрели и через какое-то время решили пожениться!..

Такая, видно, у меня судьба. Первая жена была Светлана (Ревмиру не считаю), и эта, последняя, оказалась тоже Светланой...

А тут как раз надо было ехать во Францию, где заканчивалась работа над «Русским Рождеством в Париже». И я туда поехал.

Со Светланой, Сант-Мишель, Франция, 1994 год

До этого у меня уже были кое-какие деньги. Попался богатый заказчик из Англии. Он приезжал ко мне в Москву, и я помогал ему писать, как он это называл, «симфонии». По происхождению русский, он выпивал много водки, потом играл что-то на рояле, а я делал ему

из этого «симфонии». Приглашал четырех скрипачей, виолончель, альт, флейту, дирижера Сергея Скрипку и записывал в своей студии. Получал за эту работу хорошие деньги. Но не здесь, а во Франции, потому что в Союзе еще нельзя было получать валюту. И у меня там постепенно кое-что накопилось. Я поехал туда и купил домик в ста километрах от Парижа. Хороший такой домик, приятный, в два этажа, с камином. Тридцать соток земли, фруктовые и экзотические деревья... И решили мы с женой поехать туда жить.

Мне, конечно, не разрешили ни рояль взять с собой, ни картины. Хотя это моя собственность. Рояль у меня хороший – «Стенвей», у Светланы тоже хороший – «Бекштейн». Ну, нельзя – так нельзя! Сейчас все на электронике – компьютеры, синтезаторы, поэтому рояль – уже не главное.

Это был девяносто второй год. С тех пор мы бывали то здесь, то там.

Был момент, когда денег у нас там не хватало. Тогда, в 1992 году, РАО практически не платило мне авторский гонорар, и не только мне. Но у Светланы появились там два ученика, я делал какие-то аранжировки, это выручало. Надо было выплачивать по кредиту, взятому для покупки дома (своих средств не хватило) на пять лет. Три с половиной процента годовых – это чуть больше инфляции, поэтому я практически ничего не терял. В России такого получить невозможно.

Со Светланой мы жили замечательно. На нашем участке она посадила массу чудесных роз, которые благоухают почти круглый год. Когда уезжала в Москву, а я оставался на даче под Парижем, она обычно наготовит мне уйму разной вкусной еды – и пирожки, и голубцы, и коврижки, и галеты короля Людовика четырнадцатого... Я неделю ел, не переставая. Кстати, у короля, судя по Светланиным блюдам, был хороший вкус.

Почему все-таки я опять оказался во Франции? Спектакль в Париже опять давал мне шанс! Думал, может, зацеплюсь и буду дальше работать с ними. Но они, к сожалению, потом обанкротились...

Светлана, конечно, совершенно не знала французского, зато потом стала понимать лучше меня. Мы вместе ходили на курсы, чтоб ей было веселее, да и мне не мешала лишняя практика. Ведь жить в стране и не знать языка – невозможно.

Отношения с соседями здесь строятся несколько иначе, нежели в России. Когда я жил у Алена в маленькой комнатухе, то с соседями всегда здоровался, когда мы встречались в лифте. Каждый так и норовит открыть перед твоим носом дверь и нагло пропустить тебя вперед. В России, конечно, нет таких дурных привычек. Да еще и извиняются, если случайно выйдут первыми. Мол, извини, что я вам помешал!

Ну и больше никаких отношений. Тут не принято стучаться к соседу с просьбой дать кусочек хлеба, ссылаясь на то, что сам не успел купить. Или просить десять франков до завтра.

С консьержем, естественно, здоровались. Мы с ним подружились. Очень приятный человек! Когда на месяц уезжал, я его просил посмотреть за почтой.

С внуком Сашей, 1989 год

А на даче в деревне у нас соседи – крестьяне, милые люди, просто замечательные! Вот мы сейчас уехали, а ключи от дома им оставили. Они могут к нам во двор прийти через калитку, специально сделанную между нашими дворами, проверить, все ли в порядке. Может, к примеру, ставень открылся от ветра или цветы надо полить. Они не очень образованные, простые, но с ними довольно-таки интересно общаться. Когда я уехал по делам в Москву и Света первый раз осталась там одна, не зная языка, она с ними прекрасно общалась.

У них есть взрослая дочь. Зять стрижет газоны и... рисует картины маслом. Помог мне гараж построить. Пьет по-французски. Ему нальешь рюмочку, он ее десять минут пьет. Спрашиваю:

– Еще?

– Нет, нет, – говорит. – Я же сейчас работать буду!..

За обедом может выпить один-два бокала бордо.

В деревне у нас там всего пять домов. Кругом лес, полнейшая тишина, птички поют. Когда из Парижа приезжаешь и выходишь из машины – словно вакуум давит...

Еще один сосед – португалец, плиточник, тоже очень приятный, интеллигентного вида. Если что-то нужно по хозяйству, всегда поможет.

Сын другого соседа, который к нам иногда приходил, бесплатно стриг нам изгородь из кустарника. Просто, говорит, у вас там лишнее немножко выросло...

Поэтому каждый раз я ехал туда с удовольствием. Там нет злых людей, которые смотрят на тебя через забор ненавидящим, завистливым взглядом и готовы сжечь твою дачу.

Еще километрах в пяти жила Маргарита Лурье, которая мне всегда помогала. Она русская, уже около тридцати лет во Франции. Тоже купила там дачку. Рядом – семья Миши Холтоера. Его дед, швед, служил при Петре Первом в русской армии, потом они осели в России, где и родился этот Миша. Образовалась целая русская колония...

Париж, Париж!.

И хотя так сложилось, что в последнее время я живу вместе с дочерью и ее семьей «на окраине» Франции, пару десятков лет я прожил в Париже и люблю этот город. Интересно, какой парадокс, – когда я живу в Париже, только там и хочется жить, а когда нахожусь в Москве, тоже хочется только там жить, и никакой заграницы! Там у меня осталась небольшая квартира, а дачу я продал. В Париже я бываю два-три раза в год (на скоростном поезде от Женева – три часа).

По платной автостраде до дачи можно было доехать быстро. Сейчас, правда, очень большие ограничения ввели. Сто тридцать километров – быстрее нельзя. И следят! Некоторые гоняют – и сто восемьдесят, и двести. До запрета, было время, я тоже ездил сто восемьдесят...

Можно и по бесплатной автостраде доехать. Это дольше на десять-пятнадцать минут, но зато дорога более поэтичная. Проезжаешь маленькие красивые городки, все в зелени, в цветах. Я вспоминаю подмосковную Рузу, где у нас Дом творчества композиторов, городок такого же плана, так там все в грязи по колено. Небо и земля! Тут все чисто, красиво, в розах, асфальт везде, не надо вытаскивать машину из трясины.

В Париже вообще можно полгода ездить и машину не мыть. Дождь идет – она сама моется. В Москве же, если дождь прошел, машина пачкается.

Чем мне нравится Франция?

Нравятся люди! Я не встречал там человека, который сказал бы мне грубое слово, обидел меня. Тебя никто не толкнет ни на улице, ни в метро. Может быть, нет такого хлебосолюства, как на Руси. Но у нас свои традиции, у них – свои.

Допустим, кому-то на улице стало плохо, кто-то упал – тут же толпа соберется, все будут помогать, звонить, «Скорую» вызовут. Не пройдут мимо. Мол, подумаешь, упал, сам встанет, пусть те, кому полагается, помогают...

Когда я еще работал в ночном баре и не было денег, однажды увидел, что кто-то выкинул хорошую стиральную машину. Это типично: оставляют на улице, инструкция внутри, провод приклеен скотчем. О, думаю, увезу на дачу!.. И вот хочу погрузить ее в багажник, а она какая-то дико тяжелая. Шел какой-то мужчина, увидел мои муки и говорит:

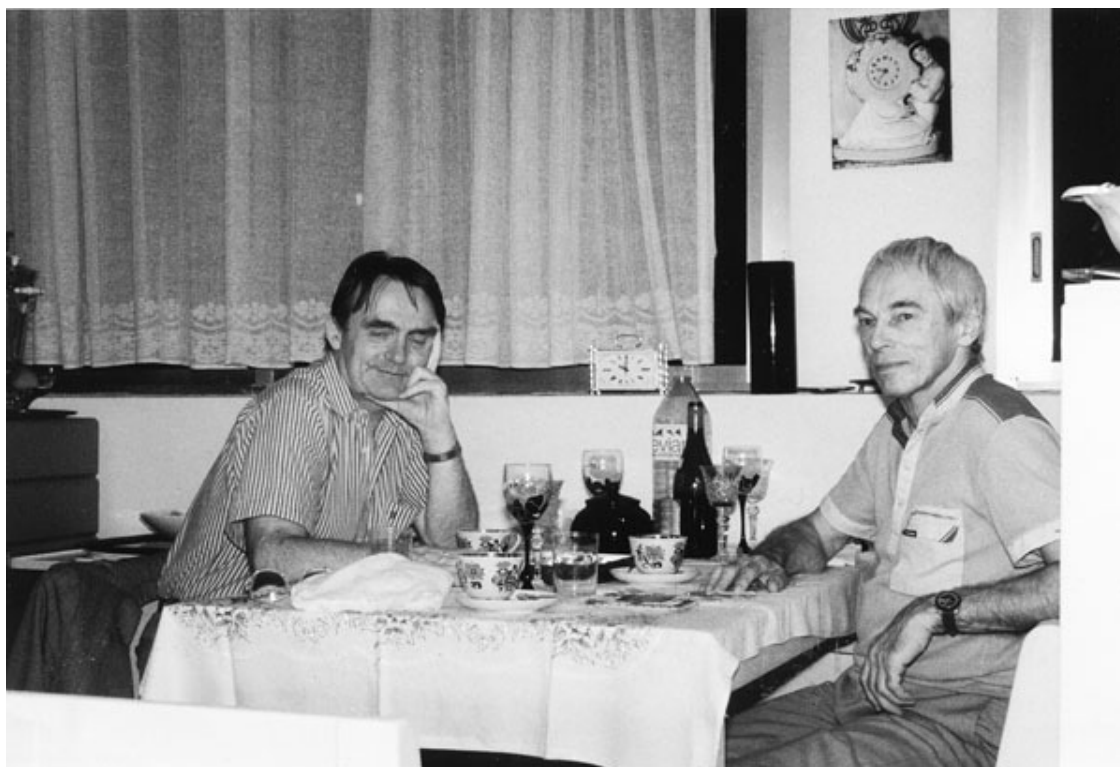
– Давайте я вам помогу!

– Да не надо, не надо!.. – стал отказываться я.

Но он тут же стал помогать.

Это приятная черта у французов – готовность помогать другим.

Очень развита добровольная помощь – бесплатная помощь (на общественных началах). Когда моя жена лежала в специальной больнице, из которой выходят только в другой мир, ее посещали четыре раза в неделю поочередно мужчина и женщина. Они беседовали с ней по два часа, вывозили на прогулку. Когда выбросило на берег моря нефть, огромное количество взрослых и детей очищали пляжи.

Мой друг Ален Прешак

Конечно, и у них есть недостатки. К примеру, они немножечко мусорят... Идет человек и что-то бросает на землю... В основном это делают приезжие – арабы, алжирцы. Пишут и рисуют на стенах... Ну, в Америке – так вообще ужасная грязь!.. Конечно, во Франции потом этот мусор подметут, все будет чисто, но...

Денежные отношения у них более четкие, чем у нас. Если в ресторане обедают три-четыре человека, то каждый за себя платит. Хотя, конечно, и у нас бывают пунктуальные люди. Вот Гайдай был таким. Допустим, взял у меня рубль на такси, так при первой же встрече (даже через 10 дней!) говорил:

– Саша, я тебе должен рубль, держи! Спасибо.

Я уже забыл про этот рубль, ему просто так дал, а он обязательно вспомнит и вернет! Это не мелочность, а культура.

Мне нравится, что во Франции все дома приведены в порядок. В любое время года чисто. То есть мне импонирует, что культурный уровень быта выше, чем у нас. И соответственно – отношения между людьми.

Правда, сейчас Москву и другие города (я недавно был в Новосибирске, Красноярске) не узнать – чисто, красиво, все отремонтировано, здания покрашены. Замечательно.

Я вот, например, люблю собранность и аккуратность. Если договариваюсь прийти в три часа, то в три и приду. Могу, конечно, опоздать на пять-десять минут. Обязательно позвоню, если в пробке застрял. А в России!.. Как-то мы с поэтом ждали Машу Распутину. Она должна была приехать в шесть часов вечера. Восемь, девять, одиннадцать часов – ее нет! Никто не звонит... Наконец – звонок! Как ни в чем не бывало, она сообщает, что только-только освободилась, сейчас пообедает и приедет... Так ведь уже ночь на дворе!.. Мы же не в покер играть собирались – песню слушать. А после двенадцати это как-то вроде не очень удобно...

Во Франции жизнь комфортнее. Климат другой. Практически круглый год зеленые деревья, розы цветут. К нашему дому, например, заходишь с улицы – во дворе большая

клумба с розами. Регулярно приходит муниципальный садовник, подрезает кусты, травку стрижет. Красота!.. Ни машин, ни уродов-ракушек во дворах нет: запрещено. Машину сразу же увезут и заставят штраф платить сто долларов.

Разумеется, никто там под окнами машины не ремонтирует, не заводит. Все они стоят на бесплатных или платных стоянках. Или в гаражах. Наземных или подземных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.